

РАДУГА НАД ЗЕМЛЕЙ

Заметки о творчестве Олеса Гончара

Нынешним летом встречался с ним трижды, моим одноклассником и однополчанином, верным товарищем на трудных дорогах Великой Отечественной и на тоже нелегких — на дорогах литературного нашего житья-бытья. Два раза виделись в Киеве, один раз — в Москве, в гостинице, носящей имя столицы, где — знаю про то — он любит останавливаться. Для начала пожаловались друг другу на суставы в ногах и руках: ноют, проклятые, не дают покоя по ночам. Олесь Гончар посетовал и на осколок, который поселился в его теле еще в сорок четвертом...

Прошлой же ночью, сообщил он мне, разбудили его не осколок, не боль в суставах. Проснулся дружно от какой-то радостной, согревающей душу мысли. Долго силился понять, что же это могло быть, отчего так светло и просторно сделалось на душе. Вспомнил наконец: так это ж улыбка малютки, который всего лишь несколько дней как явился на свет, а — вот поди ж ты — узнал дедушку своего...

Говоря это, Олесь Гончар и сам как бы осветился изнутри; свет этот так и струился из темных его глаз, повидавших в жизни столько и такого, от чего очам этим приходится нередко быть строгими и задумчивыми. А вот сейчас они именно озарились и заставили меня вспомнить последнее произведение писателя. «Твоя зоря» — так назвал он свое дитяще, коему, кажется, отдал все самое лучшее, самое драгоценное, что скапливалось многие годы.

Читая роман (а мне так и хочется назвать его поэмой), то и дело задумываешься об одном и том же: откуда столько нежности, столько любви к жизни, ко всему сущему на земле у человека, который еще в первые месяцы минувшей войны прошел все муки не библейского, а вполне реального, земного ада, принесенного фашистским чудовищем на родную его Украину?

В ту пору мы не знали друг друга, хотя и находились недалеко. Наш отряд из последних сил сдерживал врага на рубеже, где немного позже погиб славный сын Украины генерал Кирпонос. Каких-нибудь полтора-два десятка километров оставалось между нами и тем лесистым оврагом, где отбивалась горстка отважных из штаба командующего Юго-Западным фронтом. Много лет спустя мы, московские литераторы, под неистовые переливы соловьиных песен спустились в тот овраг и, вспоминая героев, пили из колодца воду, чище и святеей коей не бывает на свете.

Рядовой студенческого добровольческого батальона Гончар сражался именно в этих местах. Тогда он не был еще писателем Олесем Гончаром. Он был боец-доброволец, которому еще нужно было вырваться из кровавых ночей, чтобы потом вновь пойти на Запад и завершить победный поход под Прагой.

Вернувшись домой, Гончар и тут не дал себе передышки. Не успев поменять сержантских «доспехов» на гражданскую одежду, он пишет трилогию. Стремительно, один за другим, выходят ее тома: «Альпы», «Голубой Дунай» и «Злата Прага», объединенные затем общим именем — «Знаменосцы», выдержавшие не один десяток изданий. А Гончар продолжал работать. Книга удивительных по романтической и поэтической насыщенности рассказов «Модры Камень» сменяется по-гоголевски лукавой и жизнерадостной повестью «Микита Братусь», за которой последуют эпические полотна «Таврия», «Перекоп», «Человек и оружие», «Тронка», за этими — лирико-философские романы «Бригантина», «Берег любви» и венчающая их «Твоя зоря» — едва ли не самое яркое и совершенное по форме произведение этого ряда.

Каждая страница этой книги питана поэзией, как только что распустившийся на зорьке цветок нектаром. Давайте выпишем хотя бы несколько мест из романа.

«...Все начинается с балок, где мы, собираясь, играем, сражаемся, плачем и миримся, где так славно и соловьям и детям... Роса по балкам такая обильная, что, если нужно ноги помыть или утренний сов разогнать, беги скорее туда, где спорыш да лопухи, там она до того крупная, что и себя заспанного в калле увидишь... А в степи! Там роса будет уже теплая, там она сверкает в чашечках белого выюнка и на стебельках ржи, красный горошек светится ею и разные полевые цветы, которые ликуют каждым своим лепестком, разбрызганные всюду по межам среди созревающих нив».

Мы поставили тут точку. Поставил ее и художник, но не остановил своей мысли; он к ней, чрезвычайно важной для себя, только лишь исподволь подбирается. И вот она, эта главная не для одной этой страницы, но, пожалуй, и для всего произведения, мысль:

«И никогда не утратит тот утренний мир для нас своей росной, светоносной силы и свежести, ничто не погасит в душе той утренней зари, которая и поныне расцветает для нас из-за терновщанской, с буераками-глинищами горы, которая тогда тебе, малому, казалась такой высокой».

Здесь пробилась главная музыкальная тема, как сказал бы композитор. Не тот ли утренний мир, не те ли утренние прохладные зори, не те ли горы с глинищами и буераками жили в сердце солдата, когда он в сороковые-роковые поднялся на врага с оружием в руках?! Ежели говорить о любви к Родине, то она, любовь эта, вырывает в тебе с раннего-преранного детства, с той еще поры, когда, по сло-

вам поэта, ты «под бревенчатым потолком еще в люльке, качаясь, плыл», когда — добавим от себя, — на ходу сбрасывая рубашонку и штанишки, с разбегу бросался в речку, которая и на карте-то не обозначена, но дороже и милей которой для тебя не отыщется во всем белом свете, ибо она, безвестная та речушка, — твоя колыбель. Твоя люлька, твоя, как у нас говорят, зыбка, твоя зоря...

Однако, как бы ни важны сами по себе были такие мысли, такие сочные, работающие на главную мысль пейзажные зарисовки, они бы не сделали того дела, ради которого писатель создавал свою книгу. Не сделали, если б не заселил он произведение множеством разных живых во плоти своей людей, в душах и поступках которых растворяется, скапливается и выплывает основная идея романа.

Разумеется, пейзажи Гончара-художника — не украшения рождественских елок, они тоже действующие лица, ибо часто высвечивают характер литературного героя ярче и убедительнее, чем какие-нибудь аттестационные авторские пассажи. Потому-то герою «Зари» Роман или его дочь Надя постоянно живут в мире пчел, цветов, полевых трав, а перед их хатой, затерянной в степях, — вечный колодец, к коему тянутся отовсюду люди. Роман и его дочь «Винникина», как любовно называет ее Олесь Гончар, несут на себе, может быть, главную смысловую нагрузку. Они — дети матери Земли, они — сын и дочь Природы и сама Природа. Пока такие люди есть на Земле, будет жить и Земля!

А Земля прекрасна! Разве вы не видите, люди, как она прекрасна и как же надо ее беречь?!

Это — второй, вытекающий из первого, мотив произведения. Автор положил нести его другим людям — прежде всего Кириллу Заболотному и его жене Софии; ну, конечно, и самому рассказчику (повествование ведется от первого лица). В войну летчик-истребитель, Заболотный в послевоенные годы становится дипломатом, мотается по белу свету с маленькой своей семьей и в конце концов погибает в авиационной катастрофе во время бесконечных странствий. Он, воитель Мира, узавший блеск всяких там пышных столиц, сердцем остается в далеких родных степных краях.

«Железный Дунай... катится вдаль!» — фраза Гончара, как всегда, метафорична. Но что-то в слове «Дунай» не чувствуется ни прежнего радостного звучания, ни того светозарного смысла, который вкладывался в него некогда тем же автором. Отчего бы это? Послушаем, может, эти строчки

о скоростной автостраде подкажут нам что-то:

«Движение, энергия, скорость — они здесь всевластны. Только во имя чего кромсает воздух эта стремительная сила и страсть, которая час от часу словно возрастает?.. Вся эта гонка безудержная, шальная — в чем ее смысл? Или просто существует, и все? Оставив позади смоги-туманы, смрад болот и отстойников, трасса вылетает в тихое свечение осенних полей, чтобы, глотая мили, захватывая простор, опять упасть где-то там за горизонтом в объятия далей, таинственных, бесконечных...»

Отзывчивый на чужое горе, исполненный чувства сострадания, то одному, то другому чужестранцу оказывает добро на той сумасшедшей дороге Кирилл Заболотный; острой болью пронзает его гибель безвестной влюбленной парочки; все слезы мира хотелось бы высушить этому человеку. Злые силы, однако, делают все, чтобы слез этих было как можно больше. И они рядом, эти силы, они стреляют из автоматов по окнам советского дипломата, завидя в них тени играющих детей... А «Железный Дунай... катится вдаль!» — равнодушный, безжалостный. Как остановить его? Как спасти Романову степь и всю Землю — этот космический корабль человечества?..

Вот прежде всего чем озабочен автор «Твоей зари» и чем полнятся сердца героев книги. Раз, и два, и три возвращает он нас к Роману-степняку, как источнику добра, истины и справедливости. «И удивительное дело, — сообщает он нам, — никогда за эти Романовы яблоки мы не дрались, не припомню случая, чтобы мы поссорились из-за них между собою...»

Яблоко, возвращенное любящим, добрым сердцем, никогда не станет яблоком раздора. В этом — вся суть, в этом философия жизни и философия, если хотите, нового создания Олеса Гончара. Отзывчивое человеческое сердце — как губка. Стоит лишь крепко смежить веки, и оно прольется слезою. Вот еще какая мысль возникает при чтении этой книги.

Большая тревога и острая боль звучат во многих строчках ее. Не предотврати люди термоядерную войну — что тогда будет? Лето без радуг, зима без колядок, весна без соловьев да без вишневого цвета, говорит автор. Ничего не будет расти, птицы певучие не прилетят, капля дождя благодатного с неба не упадет — только черные бомбы будут падать оттуда...

Не может примириться с этим живая душа человеческая. Не так просто опустошить ее. Пускай же останутся навечно и юность, и песня, и цвет утренней зари, и радуга семицветная в росистом небе над Терновщиной... Над всей нашей планетой — радуга!

Михаил АЛЕКСЕЕВ.